

Пролог

Кофе, кофе, кофе... Не то третья, не то четвертая чашка за вечер. Но не пятая: после пятой начинает ломить виски, а сейчас голова не болит, разве что во рту поселился противный железистый привкус. Вода в Западном районе плохая, никаким кофе не перебить, тем более дешевым. Зато можно сделать еще чашку и закончить проклятый диплом. Обязательно сегодня! Завтра последний срок платы за квартиру, да и туфли купить пора. Ходить в полусапожках всю весну — еще куда ни шло, но не в начале же лета? Скоро на улицах начнут коситься и хихикать...

Маред откинулась на скрипнувшую спинку стула, потеряла глаза, в которые словно песку насыпали. Закрыла очередную книгу, из которой переносила данные в список использованной литературы. Интересно, все ли преподаватели Королевского Университета уже знают ее почерк? Ровный, четкий, округлый, но с уверенным твердым нажимом — так пишут нотариусы, такому почерку ее научил отец. Да, наверное, знают. Но всегда можно сделать вид, что она лишь переписчица студенческих работ, по традиции предоставляемых в рукописной форме. Традиции — основа Королевского Университета, как не устают твердить господа преподаватели и лэрд декан.

А своевременная оплата учебы — самая, пожалуй, неизбежная из традиций. И кого Маред обманывает? Если даже за летние вакации сделать дюжину дипломов, работая, как крестьянская лошадь, на оплату семе-

стра все равно не хватит. Десять тысяч... И надо думать, чем платить за обучение дальше. Да, она сама виновата, не рассчитала. Получить осложнение от обычной простуды и проболеть всю весну — это умудриться надо. И пришлось в конце концов идти к дорогому частному целителю, чтобы преподаватели на лекциях не морщились недовольно от ее кашля.

Да еще квартира, в дешевом районе, но отдельная и с ванной, студенческая форма, еда и абонемент в библиотеку. Фониль, без которого пришлось бы назначать встречи, бегая за клиентами и теряя драгоценное время. Оплата астерона для старенького вычислителя и омнибус по утрам... Вот и влипла, как муха в патоку. Не рассчитала. Бросить правovedческий факультет Королевского Университета после четырех лет обучения! И куда она пойдет? В посудомойки? Или в какую-нибудь контору секретаршей? Отец никогда не простил бы ей такого провала! Он мечтал видеть свою наследницу успешным правоведем, продолжателем семейного дела. Сдаться так близко от почти достигнутой цели — оскорбить его память!

Слезы так и просились на глаза, но Маред решительно поморгала. Она задолжала всего за семестр. Вот об его оплате и надо думать. Может, не варить кофе? Еще несколько строчек — и все! Правда, строчки плывут перед глазами, но писать она, кажется, может и с закрытыми веками, научилась... Да будут благословенны преподаватели, требующие от студентов столько самостоятельных работ: без заказов ей не остаться, даже если... Нет, никаких если! Она заплатит. Вот получит сегодня деньги от Изабель и заплатит за квартиру. Купит туфли — сапожник с Каштановой улицы делает скидку на хорошую, почти не ношенную обувь. А от овсянки еще никто не умер, даже если есть ее не только на завтрак, но и на ужин.

Маред дописала последние пять пунктов в список, лизнула и торопливо потерла промокашкой черниль-

ное пятно на большом пальце, иначе потом не отмыть. И так вечно руки в чернилах. Мозоль на указательном, хоть и совсем затвердевшая, побаливала... Где же взять еще десять тысяч? А ведь кому-то эта сумма кажется смешной, ее соученики оставляют столько за пару вечеров в игорном доме или салонах модных портних, спускают на скачках, или вот еще, последнее увлечение столицы — мобилеры. Металлические лаковые монстры, урчащие и пахнущие смазочным маслом... Ох, не о том она думает, совсем не о том.

Готовый диплом лежал на столе, аккуратные красивые строчки на последней странице подсыхали, и Маред прикинула, что успеет все-таки выпить кофе. До Старого города неблизко, потом еще возвращаться, а Изабель вряд ли предложит чаю.

После целого дня за столом даже три шага до кухонного угла показались удовольствием. Маред сполоснула джезву, налила воды и скупно отмерила кофе. Не глядя, повернула ручку, и астероновая плита тихонько загудела, быстро раскаляясь и светя на стену алым отблеском вделанного кристалла. Вот и еще расходы. Газ был бы куда дешевле магического элемента, но газ...

Синие язычки, резкий запах, ровное гудение... Одна мысль об открытом пламени стянула внутренности узлом. Опираясь на раковину, Маред глубоко вдохнула раз, другой... Отдышавшись, вернулась к столу и бережно убрала диплом в кожаную папку. Надо с этим что-то делать. Ой, надо! А то так и придется всю жизнь от каждого подсвечника шараться, не говоря уж о зажигалках, газовых горелках и просто каминах.

Спохватившись, она кинулась к плите. Успела! Пока кофе остывал, торопливо скинула домашнее платье, сняла с вешалки форменное, служившее заодно и выходным. Тоже надо бы сменить на что-то полегче, но это подождет. Все равно летом она будет сидеть дома точно так же, как и осенью, зимой, весной...

Кофе горчил. Крепкий дешевый кофе — никакого вкуса, лишь бы взбодриться — отдавал горечью поражения. Все экзамены на «превосходно», четыре курса яростной учебы наперегонки с теми, кто с детства мог позволить себе лучших учителей. Любые подработки! За эти четыре года она написала дипломов, курсовых работ, эссе и контрольных не на одну группу! И декан ставил в пример всему курсу прилежание тьены Уинни, что, конечно, было приятно, только любви однокурсников не добавляло. Но плевать, ее и так не любили бы. Кто она такая? Нищая сирота, дочь провинциального адвоката и по совместительству нотариуса. Чернильная Мышь, библиотечная гусеница, свод законов ходячий...

Ох, как изощрялись в остроумии те, кто и близко не приближался к ее баллам за сданную сессию. Маред терпела. Старалась не замечать взглядов и шепотков, пропускала мимо ушей ядовитые советы купить новое платье и сходить наконец к парикмахеру. Ах, какие славные ботинки, почти незаметно, что они старше хозяйки. Милочка Уинни, на Портовом рынке, говорят, по четвергам распродажа, там даже вы сможете подобрать себе что-то по карману.

Она терпела. Иногда ночью, обхватив себя за плечи и съезжившись под одеялом, плакала в подушку. Зато утром — кофе, омнибус, мраморные ступени Университета. Зато преподаватели благожелательно улыбались при встрече и ставили зачеты по результатам семестровой работы, не требуя сдачи предмета. Чтобы у Уинни не было конспектов? Чтобы Уинни не была готова к любому семинару или коллоквиуму? Шутить изволите, коллеги! А те, кто в глаза смеялся над ее чинными ботинками, ближе к сессии начинал узнавать, сколько выскочка Уинни берет за контрольные. И это помогало держаться дальше.

Пусть она не может носить платья от дорогих модисток и приезжать на занятия в мобилере с личным

шофером, но отец гордился бы ее баллами. Как и тем, что его дочь учится на факультете, куда девушкам еще недавно было немыслимо даже поступить. Боги, храните королеву Хельгруду, издавшую «Указ о благонамеренных девицах, склонных к учению». Маред Уинни выдержит все. Маред Уинни будет не просто адвокатом или нотариусом, а первым королевским стряпчим в юбке, даже если придется просидеть оставшийся год учебы на сухом хлебе и воде. Лишь бы сейчас достать проклятые десять тысяч. Только бы заплатить за учебу. Ах, если бы банк не отказал ей в кредите на обучение...

Проверив, выключена ли плита, Маред сполоснула чашку, стараясь, чтобы брызги не попали на платье. Надо было раньше это сделать, но задумалась, а оставлять грязную посуду нельзя. В Западном районе полчища тараканов, дай слабину — и от мерзких тварей не избавишься. Поморщившись, надела ботинки. Хорошо, что ночью прохладнее, можно сделать вид, что она просто боится простуды. Хотя кого это обманет? Изабель еще ничего, она взбалмошная и больше думает о юношах и нарядах, чем об учебе, но вроде не злая. Маред она обычно просто не замечала, пока не требовалась очередная работа. И уж точно не травила, как некоторые другие.

А еще она неплохо платила, хотя не всегда в срок. Не от жадности, просто искренне не понимала, как это кто-то может нуждаться в деньгах. Семья Изабель Кармайкл тоже не отличалась родовитостью, зато владела изрядной долей столичных верфей. Когда указ королевы позволил девушкам из порядочных семей получать образование, то единственную наследницу записали на самый престижный факультет, не особо спрашивая, чувствует ли та призвание к правоведению. Самой Изабель в Университете нравилось только множество молодых людей вокруг, зато уж этим она пользовалась от души.

Маред сбежала по лестнице, еле освещенной единственным газовым рожком, вышла на улицу. Совсем недалеко остановка омнибуса, но стоит ли тратить деньги на билет? Ходить здесь одной приличной девушке и днем-то не стоит, но если сэкономить, можно купить к будущей овсянке немного молока или копченого сыра. А грабители... Что с нее взять-то, кроме папки с дипломом, которая ни одному вменяемому грабителю даром не сдалась?

Поколебавшись, она все-таки свернула к остановке. Сейчас начало одиннадцатого, Изабель наверняка не спит, но столь поздний визит уже неприличен. Лучше бы подождать до завтра, только с тьеды Кармайкл станется укатить на пикник или в гости на весь день. Нет уж, так рисковать Маред не может!

* * *

Густой травяной запах массажного масла плыл по комнате, перекрывая аромат сладких духов. Распустив шнуровку на черном шелковом корсете, тоненькая и гибкая, как ивовая веточка, блондинка скинула его, оставшись обнаженной по пояс, и опустила руки вдоль пышной черной же юбки. Алекс капнул в ладонь зеленоватое масло, отставил бутылочку в сторону и смочил вторую ладонь. Почувствовал, как всем телом вздрогнула под прикосновением девушка. Масленные ладони скользили легко, не задерживаясь на безупречно гладкой коже. Но напряженные мышцы под его пальцами расслаблялись слишком медленно, девушка даже дышала с трудом.

— Успокойся, — мягко попросил Алекс. — Ты пришла сюда сама. Еще не поздно все отменить. Хочешь?

Девчонка испуганно замотала головой и глубоко вдохнула. Странно. Обычно протеже Анриетты ведут себя гораздо свободнее. Теперь ясно, почему Анри просила выступить с этой крошкой именно его, кто-то

другой наверняка напугал бы девочку еще до начала представления. Еще несколько минут Алекс размеренными движениями втирал масло в ее спину и плечи, затем промокнул блестящую, едва заметно порозовевшую кожу полотняной салфеткой.

Не поворачиваясь, девушка протянула руку, нащупала на стуле тонкий легкий корсет и, надев, неловко зашнуровала на груди. Пальцы ее заметно дрожали, дыхание было неровным. Мягкий шелк лег на тело идеально, обрисовывая высокую грудь, но оставляя открытыми белоснежные фарфоровые плечи. Черное шло девушке настолько, что не хотелось отводить взгляд, любясь хрупкой фигуркой, как произведением искусства...

Повернувшись, девушка подняла на Алекса взгляд нежно-голубых глаз. Короткие светлые прядки выбились из высокой прически, скулы горели лихорадочным румянцем, а глаза блестели, словно были полны слез, но нет, это просто свет от массивного канделябра падал так. На мгновение она показалась Алексу похожей на Незабудку. Ту, которой он когда-то ее встретил. Но Незабудка даже тогда была гораздо чувственнее и точно знала, чего хотела. Эта тоже знает, иначе Анриетта не выпустила бы ее на сцену с таким номером, но какая же она пока невинная с виду.

Несколько минут они молча стояли напротив, глядя друг другу в глаза. То, что их объединяло, обычный человек назвал бы пороком и безумием. Да, это было именно так, но сейчас безумие казалось единственно возможным, а остальной мир — порядочный и правильный — рухнул в темную бездну, клубящуюся внизу, в общем зале, водоворотом алчных глаз, жаждущих тел, раскаленного дыхания. И когда Алекс почувствовал, что между ними протянулась и дрожит невидимая струна понимания и сопричастности, он понял, что выступление будет прекрасно. Понял, как иногда в суде, выходя с финальной речью, знал безупречным

чутьем, что просто не сможет проиграть. Ради этих мгновений победы и власти стоило жить!

— Ты прекрасна, девочка моя, — сказал он ласково. — Ты мне веришь?

— Да, мастер Алекс, — прошептала она, не сводя с него восторженных, исступленно сияющих глаз. — Душой и телом. Прошу, сделайте это...

В нижнем зале клуба собралось уже полно народу. Нет, конечно, всего несколько десятков, но для небольшого, обшитого темными дубовыми панелями и слабо освещенного несколькими лампами помещения и этого показалось много.

Алекс прошел через торопливо расступающуюся толпу, не удостоив никого из гостей приветствием. Отнюдь не от надменности, просто действие, предстоявшее ему сейчас, требовало полного сосредоточения. Позади тенью скользила девушка, не поднимая глаз от полированного паркета, в котором, как в зеркале, отражались силуэты людей вокруг. Шепот, жадные взгляды, запах духов, спиртного, разгоряченных тел... Показалось, что у кого-то из гостей зрачки на мельком увиденном лице блеснули алым. Ничего странного, Ночной народ любит такие развлечения. И тем из них, кто ведет себя прилично, вход в «Бархат» не закрыт.

Он поднялся на сцену, слыша за спиной легкие шаги спутницы, которая остановилась одновременно с ним. До зрителей у подножия сцены было шагов десять — вполне достаточно, чтобы повернуться и сказать тихо, только для них двоих:

— Мы все еще можем уйти. Ты уверена, что хочешь остаться?

— Да! — выдохнула девушка и шагнула к свисающему с потолка длинному ремню с петлей на конце. Замерла под ним. В зале вдруг стало тихо, как по волшебству.

— Благородные лэрды и лэди, — темным горьким медом потек из угла сцены низкий голос Анриетты. — Прошу и требую тишины. Пусть тот, кто не желает видеть представление, уйдет сейчас. Пусть тот, кто желает, смотрит почтительно и благодарно. У нас один закон: нет закона превыше страсти. Слушайте, смотрите и храните тайну этих двоих, как свою собственную.

Алекс глубоко вздохнул, отвешивая залу короткий резкий поклон и снова поворачиваясь к сцене. Закатал рукава вызывающе простой белой рубашки без единого лоскута кружева. Кнут в ладони казался живым существом: хищным, недобрым, готовым в любое мгновение развернуться и прыгнуть вперед, к живой плоти. Впиться, рассечь до кости, упиваясь кровью. Крекер — кисточка на конце кнута — был срезан, но и без него узкий ремень-фол выглядел жутко. Хотя на самом деле инструмент Алекса был гораздо безопаснее, чем казалось. Об этом позаботился изготовивший его мастер, выдубивший кожу до полной мягкости и пропитавший ее драгоценными эльфийскими маслами.

Девушка стояла под петлей покорно, даже улыбалась залу. И зрители жадно облизывали ее глазами, ожидая...

Намотав конец кнута на руку, чтобы не мешал, Алекс шагнул к девчонке, обнял за плечи, встав лицом к лицу, взял за запястья. Поднял их вверх, продел в петлю и слегка затянул ремень, проверив, чтобы не вышло слишком туго. Потом провел по плечам и бокам, медленно, напоказ, — и вытащил из-за пояса юбки край корсета, чтоб он был хоть немного свободнее. Зал, понявший это по-своему, отозвался глухим стоном-ахом. Девушка только плотнее сжала губы, и без того уже побледневшие, но не дернулась, позволяя. Все-таки сверху шелк прилегал к плечам слишком

плотно, а ведь корсетом, как предполагалось, дело не обойдется.

— Ты моя, — услышал он собственный голос, роняющий слова с бесконечной властностью, и девушка затрепетала, подаваясь навстречу этому голосу всем телом. — Душой и телом. Помни это и верь мне.

— Я вам верю, хозяин, — тихо донеслось вслед, когда Алекс уже отходил на несколько шагов для удобного замаха.

А потом кнут, размотанный с локтя, все же лег в ладонь. Удобно лег, плотно. Плетеная рукоять не давила, не скользила, прильнув к руке прямо-таки ласково. Словно выпрашивая, чтобы ее поскорее пустили в дело. Зал тихонько гудел без слов, едва ли не одним только дыханием и утробным тяжелым стоном ожидания. Размах оказался удачным, не зря он вчера провел час в саду поместья, сбивая кончиком этого самого кнута венчики цветов на клумбах, чтобы размяться и вспомнить движения. Это как плавать: раз научишься — уже не забудешь.

Черная молния метнулась вперед, свистнув — зал ахнул в голос! — но кончик кнута, мелькнув совсем рядом с плечами жертвы, щелкнул и вернулся обратно, стелясь по воздуху куда медленнее, с явным разочарованием. И еще раз! И еще! Кнут облизывал воздух вокруг привязанной девушки, примерялся, пробовал на вкус расстояние между охотником и дичью, пил страх и вождление, разливающиеся вокруг. А потом, когда в стоне зала послышалось уже разочарование, щелкнул точно так же, как раньше, но что-то треснуло — и черный шелк на спине разошелся длинным разрывом от самых лопаток.

Толпа откликнулась дружным скулящим выдохом. Кнут снова взметнулся в воздух. Разрез! И еще... Кончик кнута вспарывал шелк, как острие ножа, пока еще не задевая кожи. Зал скулил и подвывал. А Алекс будто

застыл в странном тягучем безвременье, где был только он — и она, выгнувшаяся, ожидающая удара.

Как там говорил мастер Галли, учивший его владеть кнутом? «Покажите им кровь. Немного, совсем чуть-чуть. Много крови хуже, чем полностью без нее. Когда крови много, на ее фоне теряются чувства. Дайте той, кто служит вам палитрой для рисунка, двигаться свободно, но следите, чтобы кнут ложился туда, куда велите вы, а не наугад на бьющееся в путах тело. Если нужно, прервитесь, подойдите, приласкайте... Дайте понять вашей хрупкой драгоценности, что вы рядом, что между вами не только боль, но и удовольствие. Удовольствие, разделенное на двоих...»

Кнут снова взметнулся в воздух, срывая остатки черных лохмотьев с плеч девушки, обнажая белоснежные плечи, маленькую торчащую грудь и узкую спину. Следующий удар оставил алую полосу вдоль ложбинки позвоночника. Потом — еще одну. И еще...

Когда несколько отметин уже грозили пересечься между собой, Алекс остановился.

Рядом, совсем близко и бесконечно далеко, бесновались зрители. Раскрасневшиеся, вспотевшие, разгоряченные. Облизывали губы кончиком языка, не отрывая от сцены жадного взора, подаваясь вперед...

Удар. И еще... Жестокие, болезненные, они не рвали тонкую нежную кожу, а лишь оставляли на ней все новые и новые огненные укусы-отметины. Девушка, вздрагивая при каждом ударе, сначала глубоко и резко дышала, потом начала постанывать, и в каждом следующем стоне слышалось все меньше боли, все больше удовольствия. Снова удар! Гибкое тело, такое нежное на вид, с неожиданной силой выгнулось, девушка хрипло крикнула, как раненая птица, и обмякла, бесильно повиснув на ремне.

Подходя к ней, опустившей голову так, что обнаженные предплечья закрыли лицо от толпы, Алекс слышал возбужденное гудение зала. Встав сзади и как